

ЯКОВ ГРИГОРЬЕВИЧ БУХВОСТОВ **(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII — НАЧАЛО XVIII ВВ.)**

ков Григорьевич Бухвостов принадлежит к числу лучших мастеров древнерусской архитектуры. Он был крепостным крестьянином села Никольского-Сверчкова Дмитровского уезда под Москвой. Мы не знаем ни даты его рождения, ни того, у кого он учился своему великому мастерству, ни где и когда он умер. Но зато уцелели его исключительные по красоте произведения, созданные им или под его руководством. Они — живые свидетели, хранящие даты, по которым можно установить годы работы мастера.

Известный историк московской старины И. Е. Забелин в одной из своих работ рассказал, что на состоявшихся в 1681 г. торгах на постройку каменной церкви Воскресения на Пресне в Москве выступил некий Якушка Григорьев. Он запросил полторы тысячи рублей, затем снизил цену до 787 рублей, но всё же подряда не получил. Можно предполагать, что этот, названный ещё уменьшительным именем, Якушка Григорьев был никто иной, как Бухвостов. Мы пока не имеем никаких известий о его деятельности в течение 1681—1690 гг. Но в 1690 г. зодчий Бухвостов назван полным именем, видимо, пользуясь известностью и уважением.

В этом году он заключил «порядную запись» на постройку в Москве на углу Моховой и Тверской (ныне улица им. Горького) каменных келий для Моисеева монастыря (стоявшего на месте, занимаемом теперь гостиницей «Националь»). В этой «порядной» мастер горделиво писал: «Се аз... Яков Григорьев сын Бухвостов... договорился в нынешнем во 198 году (т. е. в 1690 г. — М. И.) от начала весны и в лето зделать мне, Якову со товарищи, из готового поставленного к делу кирпичу на Москве, в Белом городе у церкви Моисея Боговидца, что на Тверской улице..., келью с сениями...». Надо думать, что предпринятая мастером постройка была не первой на его счету. Об этом говорят и её большие размеры, описанные в «порядной», и договорная сумма в 1 100 рублей, по тому времени немалая.

Не успел Я. Г. Бухвостов закончить постройку келий, как в том же году он заключает договор на постройку оборонительных стен и башен Новоиерусалимского монастыря. Строительство последнего задержалось из-за ссылки

в 1666 г. патриарха Никона, его основателя. Постройка монастыря возобновилась в 80-х годах XVII в. Старые деревянные укрепления решено было заменить новыми каменными. За это дело и взялся Яков Бухвостов с новой группой своих товарищей-каменщиков. Очевидно, мастер отличался кипучей энергией и большой предприимчивостью. Браться одновременно за несколько дел было его страстью. Позднее он чуть ли не понёс тяжкое наказание за своё чрезмерное увлечение строительными подрядами, которые он физически не мог выполнить.

Учитывая архитектурное значение небывалого по размерам и совершенно нового по форме монастырского собора, он не счёл нужным усиливать декоративную сторону башен. Единственным исключением явилась церковь «Вход в Иерусалим», расположенная в системе ограды монастыря, над главными его воротами. Её строили товарищи Бухвостова — Филипп Папуга, Емельян и Леонтий Михайловы, так как сам мастер уже увлёкся новой постройкой. Эта церковь, взорванная немцами в 1941 г., являлась одним из интереснейших произведений так называемого «нарышкинского» стиля. Название этого стиля произошло от известной фамилии родственников Петра I, построивших в своих вотчинах и подмосковных немалое число изумительных по красоте храмов.

Над тройной аркой въездных ворот товарищи Бухвостова поставили стройную церковь «против его чертежу», т. е. по проекту Я. Г. Бухвостова. Ворота были обрамлены типичными для того времени колонками с перехватами на постаментах и имели богато профилированные арки с рельефно выступающими деталями. Стройный кубический объём храма окружался со всех четырёх сторон притворами и алтарём полукруглой формы. Над «четвериком» храма уходили в небо три последовательно уменьшающихся восьмигранника. Последний увенчивался главой с характерным перехватом у основания. Все углы здания были богато украшены приставными колонками. Окна и двери имели «разорванные» фронтоны наличников и другие декоративные детали. Каждый ярус заканчивался тонко профилированным карнизом. Внутри церковь была выслана цветными поливными изразцами, напоминая традиции древнего русского зодчества XII века. Это богатое архитектурное убранство особенно рельефно выделялось на красном фоне стен. В этом нарядном и изящном сооружении, стоявшем на площадке над воротами, словно на каком-то пьедестале, ярко выявился декоративный талант Бухвостова.

Не успел Я. Г. Бухвостов закончить стены и башни Новоиерусалимского монастыря, как его захватывает новая работа. В конце декабря 1692 г. в Москве стало известно, что 18 января в Рязани состоятся торги на постройку городского собора вместо рухнувшего старого. В назначенное число Я. Г. Бухвостов явился на торги. Несмотря на серьёзную конкуренцию, подряд остался за Бухвостовым. Предстояла трудная задача — построить грандиозное сооружение, архитектурный центр древнего города, носившего в то время имя Переяславля Рязанского. Собор строился в течение шести лет и к 1699 г. был закончен.

В этом крупнейшем сооружении конца XVII в. Я. Г. Бухвостов обнаружил все свои способности. Он оказался не только умелым мастером отдельного здания, но и зодчим-градостроителем, знавшим, как поставить крупное здание в городе. Уже издали, за много вёрст по Оке видна громада собора. Она царит не только над древним Кремлём Рязани, но и над всем городом. Используя древнюю традицию русского зодчества, Я. Г. Бухвостов поставил своё сооружение на подклет-террасу, что ещё выше подняло и без того высокое здание. Стены собора расчленены узкими горизонтальными полочками на три яруса. Могучий куб заканчивается оригинальным карнизом из выточенных тонких белых кронштейнов. Они, словно драгоценное кружево, заканчивают сверху красные стены, собора. Тонкие парные колонки членят стены здания на вертикальные отрезки. Величественное пятиглавие с огромными куполами венчает храм. Внутри своды несут могучие, круглые столбы-колонны.

Архитектурное убранство собора невольно привлекает внимание, Окна и двери собора украшены наличниками, разными во всех трёх Ярусах. Их причудливый силуэт невольно привлекает взор, заставляя долго любоваться открывающимся орнаментальным богатством. Колонки наличников и порталов нижнего яруса и их тимпаны покрыты бесподобной резьбой по белому камню.

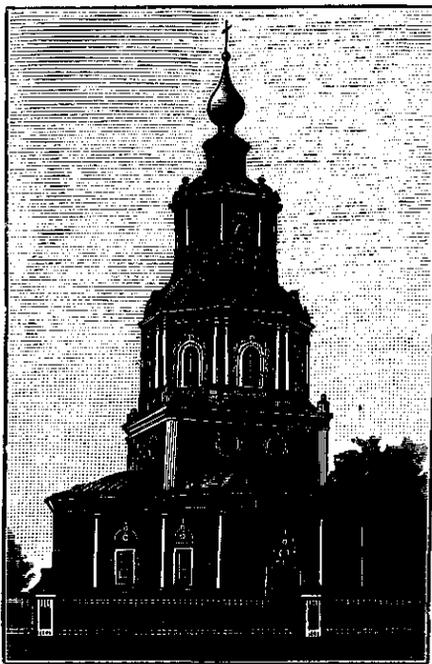

Собор в Рязани

Можно долго рассматривать игру завитков сказочных листьев, невиданных цветов и плодов, покрывающих сплошным узором эти великолепные архитектурные детали. Каждый наличник окна, каждый портал — законченное произведение, созданное рукой зрелого, талантливого мастера.

Несмотря на то, что ещё велись работы в Новоиерусалимском монастыре, начиналась постройка Рязанского собора, Я. Г. Бухвостов в том же 1693 г. заключает новый подряд. Со своими товарищами — Мишкой Тимофеевым и Митрошкой Семёновым — он берётся за два года выстроить боярину П. И. Шереметеву церковь в селе Уборах под Москвой. Зодчий переоценил свои возможности. Он не мог за короткий строительный сезон вести одновременно работу в местах, столь отдалённых друг от

друга. К назначенному времени церкви он не выстроил. Рассерженный боярин подал в Приказ каменных дел прошение о привлечении Я. Г. Бухвостова к ответу. В Рязань поскакал пристав для ареста зодчего. Но безрезультатно, так как «поймать себя он, Якунка, не дал и от них, посыльных людей, ушёл». Во избежание дальнейших неприятностей, Яков Бухвостов сам явился к Шереметеву и заключил с ним новый подряд с обязательством закончить всю постройку к июлю 1696 г. Но он вновь не смог выполнить взятого на себя обязательства. Опять ему пришлось бежать. Но на этот раз его поймали, посадили «за решётку» и судили. Приговор Приказа каменных дел обязывал «его, Янку, бить кнутом нещадно и каменное дело ему доделать». Шереметев, однако, сообразил, что исполнение приговора в первой его части грозило совсем приостановить постройку. Он сам попросил освободить зодчего. Постройка церкви в Уборах была закончена.

Церковь в с. Уборы под Москвой.

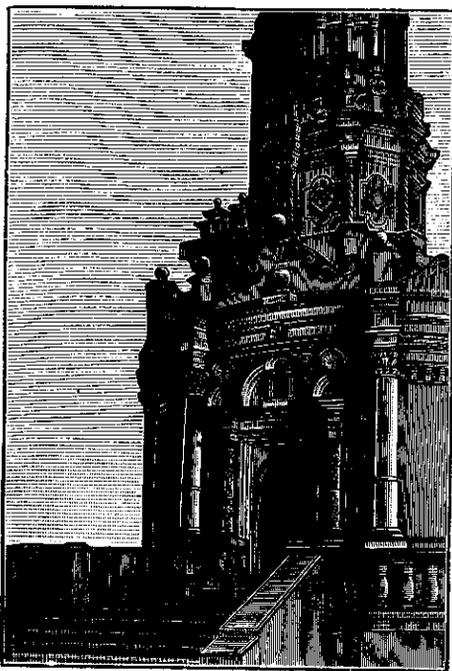
Это произведение мастера ещё более укрепило за ним славу первоклассного зодчего. То, что было осуществлено ещё так недавно в надвратной церкви Ново-иерусалимского монастыря, казалось бледным и каким-то сухим рядом с новым зданием в с. Уборах. Я. Г. Бухвостов взял то же плановое и объёмное решение, но придал ему такую пластичность, с такой тщательностью разработал декоративное убранство храма, что можно только поражаться его неиссякаемому таланту. На высокое здание с его восьмериками и притворами, трёхлопастного очертания, словно наброшена драгоценная фата, расшитая редкостным узором. Кажется, что сложный рисунок ажурного креста сбегает на грани восьмериков, превращаясь в редкие по красоте наличники. Их пламенеющий узор ярко выступает на оранже-

вом фоне стен. Угловые колонки изрезаны своеобразными листьями-впадинами. Их коринфские капители, напоминающие распустившиеся диковинные цветы, дополняют и без того богатое убранство храма. Низкий парапет огибающей храм галереи украшен резными в камне вставками. По рисунку изображённых на них плодов и листьев они близки к украшениям Рязанского собора. Зодчий не останавливается ни перед смелым приёмом некото-

рого утяжеления главного восьмерика храма, слегка нависающего над нижней частью, ни перед резко убывающими пропорциями верхних его частей. Я. Г. Бухвостов был великолепно знаком со всеми «тайнами» своей профессии и прекрасно умел ими пользоваться.

Окончив храм села Уборы, он возвращается в Рязань, где завершает своё наиболее крупное произведение — Рязанский собор и ряд других построек.

Неприятности с Шереметевым не исправили мастера. Он попрежнему, не окончив одной постройки, берётся за новую. За три года последнего десятилетия XVII в. он успевает выстроить в Рязани архиерейские каменные житницы, «соловенные» палаты и четыре церкви — Георгиевскую, Екатерининскую, Ильинскую и Фроловскую. Помимо этого, источники упоминают об его участии при постройке церквей в Явленском и Симеоновском монастырях. К сожалению, все эти постройки до нас не дошли, кроме Солотчинского монастыря под Рязанью, также выстроенного Бухвостовым.

Церковь в с. Троице-Лыково под Москвой.

На этом перечень построек Бухвостова мог бы быть закончен, если бы не случайно обнаруженная проф. С. Гороповым запись в синодике церкви села Троице-Лыкова под Москвой. Рука неизвестного человека, искренно любившего зодчего и его мастеров, занесла на страницы поминания следующую трогательную надпись: «Да помняи господи мастера здатели святые церкви сия твоя — рабов твоих каменодельцев Михаила да Митрофана да Якова их господина и иные иноземнии вельми украшенми храм твой устроивших».

Упоминаемые имена полностью совпадают с именами строителей и автора церкви села Уборы — Тимофеева, Семёнова и Бухвостова. Это позволяет считать храм села Троице-Лыкова — одну из по-

следних «нарышкинских» церквей — произведением великого мастера, выстроенным до 1704 г.

По своему внешнему и внутреннему убранству храм села Троице-Лыкова, пожалуй, один из наиболее декоративных памятников «нарышкинского» стиля. В отличие от своих предшественников, он весь белый. Благода-

ря этому, все его многочисленные детали — узорчатые кресты, наличники с пальметками в завершении, фигурное обрамление восьмигранных окон, колонки, сложные карнизы и причудливые фронтоны с «гребешками» создают на редкость богатую игру светотени. Кажется, что этот храм пронизан сверху донизу каким-то трепетом. Белая церковь, одетая в этот тончайший убор, так любовно созданный её строителями, с золотом своих куполов, выглядит, словно невеста в золотом кокошнике, стоящая на берегу и любующаяся своим нарядом. Я. Г. Бухвостов применил и здесь формы, знакомые по Новоиерусалимскому монастырю и Уборам, но отбросил северный и южный притворы. Этим он придал зданию большую устремлённость как вверх, так и по продольной оси — с запада на восток. Постановка храма на высоком и крутом берегу Москва-реки невольно заставляет вспомнить Рязанский собор. Внутри храма — резной вызолоченный иконостас, состоящий из ажурных виноградных листьев, плодов и иных растительных орнаментов, бегущих ввысь под своды светлого восьмерика. Резная царская ложа и обрамление арок проёмов дополняют это редкое произведение русских резчиков. Храм Троице-Лыкова — лебединая песнь не только Я. Г. Бухвостова, но и «нарышкинского» стиля.

Среди творцов древнерусской архитектуры Я. Г. Бухвостов занимает одно из первых мест. Яркий, как и вся его деятельность, он с необычайной уверенностью и силой создавал свои произведения. Истоки его неблекнувшего таланта, фантазии и вдохновенного мастерства связаны крепкими узами с художественным творчеством народа.

О Я. Г. Бухвостове: Грабарь И., История русского искусства, т. II — История архитектуры, М., 1912; Бессонов С. В., Крепостные архитекторы, М., 1938; Воронин Н., Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв., Л., 1934; Сперанский М., Очерки по истории приказа каменных дел Московского государства, М., 1930.

Источник: Люди русской науки: Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники / Под ред. С.И. Вавилова. — М., Л.: Гос. изд-во техн.-теоретической лит-ры. — 1948.